

СОЛДАТЫ СМЕРШ

Романы о неизвестных боях

Глава 1

Из открытой форточки тянуло холодком. Полковник поежился, отбросил карандаш и задумчиво смотрел, как он катится, не встречая сопротивления, по гладкой поверхности стола, соскальзывает и метко вписывается в щель между дряблыми половицами. Поднимать его он не стал, извлек из стеклянного бокала второй карандаш, точно такой же, и положил поверх изучаемого документа. Подобного добра после бегства чиновников администрации маленького польского городка осталось с избытком.

Полковник посмотрел на часы, пригладил пятерней седой ежик на макушке, пружинисто поднялся и закрыл форточку. На него навалился кашель, он надрывался, глотая мокроту. Простуда привязалась, ничем не выгнать. Повсюду сквозняки и холод. Месяц — точно не май. Когда он еще придет, май сорок пятого? На календаре 19 января, разгар зимы. В России они жестче, но и здесь, в цен-

тре Польши, далеко не лето. Дневные температуры падают до минус десяти, на дорогах лед вперемешку с грязью, свирепствуют промозглые ветра.

Он невольно задержался у грязного стекла. Со второго этажа открывался вид на центральную улицу и окрестные здания. Штаб дивизии третий день стоял в Войнице, маленьком городке уездного значения. Полки за последнее время понесли немалые потери и теперь ожидали пополнение. По улице, грохоча и изрыгая гарь, шли на запад тяжелые «КВ», средние танки «Т-34», тягачи тянули дальнобойные орудия. Ругались пехотинцы в полушубках, прижимаясь к обочинам. Разъездились тут, не дают пройти простым людям! Автоматчики на броне слали пламенные приветы, отпускали остроты. Мол, не пыли, пехота! Долго вам, ребята, еще до Берлина киселя хлебать!

Войска Первого Белорусского фронта спешили на запад. В день они с боями проходили по 20–30 километров. В данный момент шли подразделения корпуса Первой гвардейской танковой армии генерал-полковника Катукова. До Берлина оставалось порядочно.

17 января пала Варшава. Немцы отошли на запад, в город вступили Красная армия и потрепанные части Войска Польского. Основные

силы обогнули польскую столицу с севера и юга и продолжали развивать успех.

Легкой жизни для Красной армии не ожидалось. На пространстве от Вислы до Одера немцы оборудовали шесть оборонительных рубежей, напичканных вооружением и отборными войсками. Пройти нужно было все, один за другим. Самый трудный — последний, так называемый Мозерский рубеж, несколько десятков километров сплошной линии обороны, выстроенной по последнему слову военно-инженерной науки. Никто не сомневался, что рубеж падет, но когда и какой ценой? Зато за Мозерским районом — уже Германия, оперативный простор до самого Берлина. Там уж Красную армию точно никто не остановит.

Скрипнула дверь.

— Разрешите, товарищ полковник? Вызывали?

Полковник Бурмистров, начальник штаба гвардейской стрелковой дивизии, почувствовал сухость в горле. Он повернулся нарочито медленно, устремил доброжелательный взгляд на офицера, вошедшего в помещение. Майор Синявин, начальник инженерной службы, был сравнительно молод, интеллигентен, обладал хорошими манерами и имел безупречный

внешний вид. Утепленная шинель сидела на нем ладно, сапоги блестели.

— Да, проходи, майор, присаживайся, дело есть к тебе, — сказал полковник, оторвался от окна, направился к столу, сел на краешек стула, выдвинул ящик под рукой.

Впрочем, сегодня с хорошими манерами произошел сбой. Майор как-то незаметно замкнул входную дверь на задвижку, расстегнул кобуру. Когда полковник поднял голову, в переносицу ему смотрел ствол табельного «ТТ». Синявин выглядел спокойным, но в глазах у него заблестел холодок, а в простодушной мине обозначилось что-то хищное. Полковник заметил это и закашлялся.

— Ящик закройте, Дмитрий Сергеевич, — вкрадчиво попросил Синявин. — Зачем он вам? Положите руки на стол и не делайте резких движений.

Полковник подчинился. Где эти бездари из контрразведки допустили ошибку?

— В чем дело, товарищ майор, что вы себе позволяете? — Голос его охрип.

— Хотел бы спросить то же самое, Дмитрий Сергеевич, но ладно, не буду. — Спокойствие давалось майору с трудом, он был расстроен, круглое лицо побледнело.

Дверь за его спиной кто-то подергал. Майор невольно вздрогнул, но пренебрежительная усмешка ему вполне удалась.

— Майор, не отягощай, — процедил полковник. — Положи оружие, открой дверь. Тебе зачтется.

— Дважды не расстреляют? — Синявин криво усмехнулся. — А ведь почти подловили, товарищ полковник. Поздно я понял, что вызов с подковыркой, иначе хрен бы к вам пришел. Двое ребят из контрразведки на улице курили, в мою сторону старательно не глядели. В холле еще один. Я по лестнице поднимался, когда он обратную дорогу перекрыл. Пришлось наверх идти, к вам, по вызову. Ладно, отнекиваться не буду. СМЕРШ — контора серьезная. Как узнали? Вы же в курсе, Дмитрий Сергеевич, да?

— Проколотся ты, майор, выдал себя.

— Неправда! — Голос Синявина зазвенел, но он тут же закашлялся и не сразу пришел в себя. — Не мог я проколоться, вздор это! Почему задержание решили провести здесь, в кабинете начальника штаба дивизии?

— В глаза твои волчьи хотел посмотреть, — выдавил из себя полковник. — Ведь ты, шкура, больше месяца под своего рядился, да еще и та-

лантливо, службу нес безукоризненно, исполнительный был.

— Посмотрели, товарищ полковник? — Кривая ухмылка не сходила с лица агента. — Чувство вины вас гложет. Это понятно. Проглядели под носом такую гниду! Оргвыводы теперь непременно последуют. Ладно, это лирика, слушайте меня внимательно, Дмитрий Сергеевич. — Глаза майора сузились в щелки, он, мягко ступая, подошел к начальнику штаба дивизии. — Сейчас вы медленно встаете, надеваете шинель, и мы выходим в коридор. Ствол пистолета будет у вас в боку, поэтому...

— Думаешь, прикроешься мной, сволочь? — Полковник смотрел на него тяжело, не моргая. — Ты и двух шагов не пройдешь, тварь!

— Выбора нет, Дмитрий Сергеевич. — Синявин пожал плечами. — Ни у вас, ни у меня. Попробуем отогнать цепных псов из контрразведки. Они же не станут по вам стрелять. Вы же целый полковник, начштаба гвардейской дивизии. Спускаемся по лестнице, садимся в «эмку», что стоит у крыльца, а дальше — по обстоятельствам. Не будем загадывать.

Оба едва сдерживали эмоции. Синявин клял себя за неосторожность, потерю бдительности. Ладно, лучше поздно, чем никогда. Шанс все же остался. Полковник костерил молодых и не-

опытных контрразведчиков. Старые кадры полегли, присылают зелень из особых отделов, которая толком работы не знает, опыта — ноль, только и могут торчать истуканами.

Изначально идея была нормальная. СМЕРШ доложил командованию дивизии о выявленном агенте. Брать его контрразведчики хотели где угодно, но не в штабе.

Дмитрий Сергеевич сперва не поверил. Ошибка, мол, вышла, не иначе. Но начальник дивизионного отдела контрразведки СМЕРШ майор Сурков — человек бывалый. В отличие от своих неопытных подчиненных, ерундой он не занимался. Донесение пришло из-за линии фронта, от человека, работавшего в немецком тылу.

«Берите здесь паршивца, — настаивал Бурмистров. — Он же не будет ничего подозревать, отвлеку, сесть предложу. Войдете и возьмете. Пикнуть не успеет, если быстро все сделаете».

Майор Сурков был недоволен, но в итоге согласился.

В дверь кто-то требовательно постучал. Синявин сместился в сторону, уходя с линии огня, вытянул руку с пистолетом.

— Ответьте людям, Дмитрий Сергеевич. — Глаза агента источали зимний холод. — Так и будут долбить, пока лбы не разобьют. Непуганые они у вас.

— Минуту подождите! — выдавил полковник. Стук оборвался.

Майор усмехнулся и заявил:

— Все, время не терпит, Дмитрий Сергеевич. — Он стер с гладко выбритого лица улыбку. — Надевайте шинель, пойдете. Не заставляйте меня вытаскивать вас отсюда в таком виде. Зима на улице.

Полковник поднялся. В голове его метались мысли, среди которых не было ни одной дельной. Он не был трусом, но попал впросак, причем по собственной глупости.

Синявин сместился на пару шагов. Полковник направился к вешалке, придвинутой к стене. На ней висела его шинель. Как-то ненавязчиво Синявин оказался сзади. Он словно чувствовал, что сейчас произойдет.

Дверь распахнулась от удара. Отвалилась скоба, прибитая к косяку, забренчала задвижка. Синявин резко повернулся, дважды надавил на спуск. Выстрелы в замкнутом пространстве гремели оглушительно. Молодой лейтенант, ворвавшийся в помещение первым, охнул от боли, выронил пистолет. Пуля пробила его колено. Видно, дрогнула рука агента. Лейтенант повалился за порог, перекрыл дорогу другим. Синявин продолжал стрелять в проем, опустошил обойму.

Полковник и глазом не успел моргнуть, как лазутчик подлетел к нему, сдавил сзади горло предплечьем, выхватил из его кобуры пистолет и снова открыл огонь! Пули выбивали щепки из косяка, летели в проем. На виду никого не осталось, люди прижались к стенам.

Сквернословил майор Сурков. Надо же так изгадить хорошую операцию!

— Назад, не стрелять! — гремел его басистый голос. — Там полковник Бурмистров!

— Слушайте своего командира, парни! — крикнул Синявин. — А ну, пошли все прочь, освободить проход! Кто-то дернется, я его убью, мне терять нечего!

Терять Синявину было что, очень даже многое. Задача ему выпала сложная — покинуть здание, «приклеив» к себе полковника, сесть в машину и при этом не подхватить пулю!

— Вперед, Дмитрий Сергеевич! — Он подталкивал коленом начальника штаба.

Мелькнула в проеме голова отчаянного парня. Он схватил за шиворот раненого товарища, оттащил от проема. Снова загревели выстрелы.

— Я кому сказал отойти?! — закричал Синявин. — Быстро! Чтобы на этаже никого не осталось! Даю вам двадцать секунд. Утаскивайте своего подстреленного голубя!

В коридоре кто-то завозился.

Полковник задыхался, сделал попытку ударить противника локтем, но пробил пустоту. Рука его повисла плетью.

Синявин подтолкнул его к выходу.

— Малым ходом, Дмитрий Сергеевич, выходите в коридор, и давайте без глупостей.

На короткий миг фашистский агент ослабил хватку предплечьем. Полковник сделал глоток живительного кислорода, и в голове у него стало ясно. Он вдруг резко, едва не свернув себе шейные позвонки, ударил затылком и попал в переносицу! Синявин отпрянул, заорал благим матом. Полковник схватил его правую руку — она продолжала тянуть пистолет, — вывернул до хруста. Ствол вывалился из поврежденной конечности. Синявин тяжело дышал, боль выбила его из равновесия.

Полковник оттолкнул противника и получил короткую передышку. Агент ударился копчиком о столешницу, вскинул кулаки. Лицо этого мерзавца исказилось до неузнаваемости.

Полковник бросился на него, задавил массой. Он знал, что второй попытки у него не будет, схватил агента вражеской разведки за отвороты шинели и, пока тот не опомнился, ударил затылком о столешницу. С нее, как листья по осени, брызнули бумаги, тот самый карандаш. Синявин сопротивлялся, попытался уда-

рить коленом в живот. Но полковник крепко держал его.

Оба покатались, упали со стола. Бурмистров оказался снизу, и это положение его крайне не устраивало. Он рвал жилы, сделал кувырок, и его противник, теряющий силы, распростерся на полу. Скрюченные пальцы врага тянулись к горлу полковника. Бурмистров бил его по челюсти, словно гвоздь кулаком вколачивал, преодолевая боль в костяшках, где определенно что-то хрустнуло.

Синявин потерял сознание. Полковник тоже был на грани. Он сполз с неподвижного противника, грузно поднялся на ноги, которые предательски разъезжались.

— Эй, вы! — прохрипел начальник штаба дивизии. — Куда подевались? Почему я должен выполнять вашу работу?

В помещение ворвались люди — два лейтенанта, капитан, майор. Они помогли Бурмистрову добраться до стула. Он отдышался, посмотрел через муть в глазах, как вокруг суетятся люди.

— Товарищ полковник, я же вас предупредал, что это опасно, — пробормотал майор Сурков, переживший нервный шок. — А вы не верили, упрямылись. Вы в порядке, товарищ полковник?

— Работать надо лучше, майор, новобранцев своих учить, чтобы начальнику штаба дивизии не приходилось лично обезвреживать ваших клиентов.

В сложившейся ситуации было что-то комичное. Нервный смешок вырвался из груди Бурмистрова, и майор уставился на него с явной оторопью.

— Что смотришь? Отвали, в порядке я, размялся, юность дворовую вспомнил. Что там с вашим лейтенантом?

— Колено перебило Позднякову, товарищ полковник, сейчас в госпиталь повезем, это рядом. Ерунда, побежит через неделю. Пусть только попробует не побежать!

Офицеры швырнули майора Синявина носом в пол, связали руки. Он плевался кровью, что-то шипел. Глаза агента заволакивала муть.

— Хорошо, что капсулу с ядом не проглотил, — изрек капитан Мальцев, заместитель Суркова. — А то взяли, понимаешь, моду. Мы ее еще поищем, обязательно должна быть.

— Мы вас покинем, товарищ полковник. — Смущенный Сурков словно разрешения спрашивал. — С вами точно все в порядке? Может, медика вызвать, пусть посмотрит?

— Ой, да иди ты, сам знаешь куда! — раздраженно проговорил полковник. — Видеть вас

больше не могу. И это дерьмо с собой заберите. — Он кивнул на Синявина, которого офицеры пытались поставить на ноги. — Что по второму, майор? Взяли его?

— Пока не было известий, товарищ полковник. Вы первым узнаете. Возьмем, не волнуйтесь.

— Ну да, одного уже взяли. Если с такими же пертурбациями, то лучше не надо.

Второго агента брали параллельно, уже не столь драматично, хотя с курьезом.

Капитан Федченко занимал должность помощника начальника вещевого службы. Про него и подумать не могли. Вечная улыбка, душа компании, балагур, всегда наготове пара побасенок из армейской жизни. Их, очевидно, в абвере сочиняли. Он не был боевым офицером, но женщины любили его, причем самые разные — от санитарок в медсанбате до серьезных дам из шифровального отдела. К служебным обязанностям Федченко относился по-всякому, но если и совершал оплошность, то всегда ухитрялся выкрутиться. На него не обижались, смотрели сквозь пальцы на похождения весельчака.

Весть о том, что это немецкий агент, была встречена с недоумением. Но Сурков верил сообщениям из Майнсдорфа, от сотрудни-

ка специального отдела СМЕРШ с позывным «Колдун». Ошибаться тот не мог.

Федченко находился на складе, когда на огонек заглянули наряд красноармейцев и старший оперуполномоченный капитан Снегирь. Возможно, враг уже чувствовал угрозу. У опытных агентов — звериный нюх на опасность. Он заметил визитеров в окно, быстро сделал выводы, но и сам не остался незамеченным.

Дорожка к отступлению у Федченко имела — боковая дверь, коридор, два складских помещения, заваленных тюками. Он мог уйти от погони, вылезти в окно, выходящее на задний двор, и нырнуть в овраг, примыкающий к складам. Но именно сегодня складской водитель поставил к окну свою полуторку, чтобы могли проехать другие машины. Федченко распахнул окно и уперся в деревянный борт грузовика. С такой машиной не потягался бы и Иван Поддубный.

Когда запыхавшиеся красноармейцы вбежали в помещение, капитан имел покаянный вид, бормотал, что бес его попутал сбыть ту проклятую партию фуфаек нуждающимся польским гражданам всего лишь за несколько коробок тушеного немецкого мяса. Уже в отделе капитану доходчиво объяснили, что взяли